

РЕЦЕНЗИИ

ОЧЕРК ЛАТЫШСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

В последние годы Институты языка и литературы республиканских Академий наук совместно с Институтом мировой литературы имени А. М. Горького издали ряд очерков истории национальных литератур. Сейчас читатели получили еще один очерк — латышский.

Нынешнее издание «Очерка» — второе. В первом варианте он был издан в 1955 году на латышском языке и подвергся обстоятельной критике в республиканской печати и на обсуждении во время декады в Москве. Многие из критических замечаний и предложений учтены; они вызвали привлечение дополнительного материала и немаловажные композиционные изменения. В нынешнем издании значительно более полным предстал ранний период. На смену концепции о том, что латышская советская литература начинается с 1940 года, пришла другая, открывшая истоки латышской советской литературы в огненной купели Октябрьской революции. В соответствии с этим в отдельную главу выделен период зарождения латышской советской литературы (1917—1919), появились новые главы о литературе в годы буржуазной власти (1920—1940) и латышской литературе в Советском Союзе (1919—1940).

В настоящем виде «Очерк» достаточно убедительно показывает, сколь велики богатства латышской литературы, вдохновленной идеалами социализма, как плодотворно сказалось на творческом росте писателей овладение методом социалистического реализма.

Значительный и, в основном, совершенно новый материал содержат разделы «Зарождение латышской советской литературы», «Художественное воплощение героики Великой Отечественной войны», «Латышская литературная критика».

Особый интерес представляет глава «О развитии латышской литературы в Советском Союзе (1919—1940)». В условиях долголетней эмиграции латышская литература в Советском Союзе росла, развивалась, сохраняла свою самобытность. Авторы кропотливо собрали обильный материал о периодических изданиях, деятельности отдельных писателей и попытались в какой-то мере систематизировать его. Читатель узнает много полезных сведений, неизвестных ранее, знакомится с изложением творческого пути Р. Эйдемана, Ф. Кнориня, К. Пелекайса, А. Кадикиса-Грозного, А. Цеплиса и других.

Одним из несомненных достоинств «Очерка» является то, что разговор о литературных произведениях ведется в нем «по большому счету». Впрочем, разные главы

---

* «Очерк истории латышской советской литературы», Латгосиздат, Рига, 1957, 537 стр.

написаны с разной долей взыскательности (и это не удивительно для коллективно-го труда). Одни — например, глава о Лацисе — более «придирчивы», другие — глава о Саксе — более снисходительны, но в целом «Очерк» написан требовательно, с очевидным творческим отношением к делу.

В книге отчетливо сказывается творческое освоение опыта ранее вышедших «Очерков» — и в удачном соотношении обзорных и монографических глав, и во взыскательной характеристике литературной жизни последних лет, и в большей объективности взгляда на отдельные произведения и на литературный процесс. И все-таки «Очерк» в целом остается в общем ряду ранее вышедших аналогичных изданий: в нем только расставлены вехи литературного пути, а сам литературный процесс не исследуется еще со всей возможной глубиной.

Чтобы создать относительно полное представление о развитии литературы, очерк истории должен поставить перед собой центральную задачу: показать, как происходило становление, развитие реализма на данной национальной почве.

В развитии латышской советской литературы было, без сомнения, три важнейших этапа, влиявших на изменение характера ее реализма. 1905 год ввел в литературу, посвященную по преимуществу жизни крестьян, нового исторического героя — пролетария, «класс основной», как называл его Райнис. Период 1917—1919 годов, когда в Латвии существовала Советская республика, определил ясное размежевание писателей и на последующие 20 лет. И, наконец, 1940—1941 годы знаменовали закономерный переход основного коллектива писателей на позиции социалистического реализма.

Эти основные узлы дают возможность понять характер литературного процесса, осмыслить его в общетеоретическом плане: как же литература осваивала все новые сферы действительности, глубже постигая жизненные закономерности, то есть в конечном счете увидеть, как происходило постепенное обогащение реализма новым качеством и как это привело к новому методу — реализму социалистическому.

Следует сказать, что, вплотную подходя к решению этой задачи, авторы «Очерка» все же остаются на подступах к нему.

Латышский вариант «Очерка», изданный в 1955 году, критиковался за ненужное изобилие имен, названий, дат, за то, что он превратился в «сборник фактов», своего рода справочник. Их и сейчас излишне много — наверное, несколько тысяч одних только названий. И в этой пестроте названий, имен, сюжетов порой теряешь тенденцию, перспективу, главные линии.

Естественно, что для любой систематизации необходим ясный принцип обобщения — такого обобщения, которое стягивало бы весь разнородный материал, расплывающийся в закоулки жанров, тем, направлений. Авторы латышского «Очерка» избрали проторенную многими исследованиями дорогу — тематический принцип. Принцип этот служит верную службу, ибо показывает, сколь широко осваивает действительность литература, насколько полной и разносторонней жизнью она живет, выходит ли из круга камерных переживаний в широкий социальный мир. Но нельзя останавливаться на этом, нужно сделать второй шаг — проследить, как обогащает реалистические тенденции национальной литературы это тематическое многообразие. Жаль, что авторы латышского «Очерка» останавливаются на полпути, ограничиваясь только тематическим обзором и не решаясь на следующий шаг. Возьмем, к примеру, оценку некоторых явлений поэзии военных лет: «Слабее в поэзии отразился героический труд рабочих, колхозников, интеллигенции, помогающих

фронтовикам ковать победу. Наибольшее внимание этой теме уделили Мейнгард Рудзитис и Мирдза Кемпе. Перу Рудзитиса принадлежит поэма «Поезд смерти» (1942—1944) о латышских партизанах. Темы партизанского движения в той или иной мере касались и другие поэты, но все же она «прозвучала в поэзии довольно глухо». «Уделил внимание теме», «коснулись темы», «прозвучала глухо»...

Но ведь сила литературы заключается прежде всего в ее глубине, в характере художественного обобщения. Один подсчет того, что «недоотразили», забыли упомянуть писатели, не может заменить литературоведческого анализа и, в конечном счете, низводит литературу до роли иллюстратора жизни.

И это не единственный пример. В следующей, седьмой главе содержится упрек И. Леманису за то, что он в своем произведении «По дорогам жизни» не сумел «дать широкую картину эпохи». Но он и не ставил перед собой такую задачу, ему хотелось — и удалось, как замечают сами авторы «Очерка», — создать «живой и рельефный» образ революционного борца — сельского юноши. Здесь опять-таки тематическая широта выступает как единственный, самодовлеющий критерий, не связанный с художественным замыслом, конкретным художественным решением. А проблема реализма — это проблема, требующая прежде всего внимательного рассмотрения самих художественных решений.

Между тем авторы, можно сказать, уклоняются от разговора о теоретических проблемах. На стр. 211 мы узнаем, будто в послевоенное время «намечается знаменательное стремление к созданию национальных эпопей», причем, кроме известных произведений А. Упита и В. Лациса, здесь назван и роман А. Саксе «В гору». С каких пор он стал эпопеей? Каковы признаки, позволяющие считать то или иное произведение эпопеей?

Латышская эпопея — явление своеобразное и интересное и в своих истоках, и в своем стремительном развитии. Серьезное осмысление вопросов, связанных с эпопеей, смогло бы прояснить многое в понимании специфики реализма латышской советской прозы — одной из самых сильных в наших национальных литературах.

С огорчением нужно признать, что в «Очерке» вопросы национальной специфики латышской литературы лишь декларируются, а не раскрываются; впрочем, это естественный результат недостаточного внимания к эстетическому анализу, единственно способному раскрыть национальное своеобразие литературы. «Произведения о жизни Советской Латвии, — утверждает на стр. 205, — также запечатлевают как особенности исторически сложившегося латышского жизненного уклада, так и то новое, что развивается с приходом к власти трудящихся: глубокие изменения в национальном характере, постепенное преодоление пережитков капитализма, социалистическое отношение человека к труду, к окружающим. Конкретный показ всего этого в романах «В гору» А. Саксе, «К новому берегу» и «Буря» В. Лациса, в пьесах «Весна в селе Речном», «Учитель Страуме» А. Броделе и придал им национальное своеобразие».

Не случайно все сводится здесь к *объекту*, а не *характеру* изображения. Характер изображения, черты национального своеобразия могут выступить лишь в итоге эстетического анализа, охватывающего всю совокупность, единство содержания и формы, а тяготение к тематическому обзору, перечислительности лишает авторов этой возможности.

Вместо широкого теоретического осмысления авторы некоторых глав, не скупясь, «засеивают» страницы многими десятками названий, но, увы, эти густо посеянные

произведения не создают ощущения мощи, а, наоборот, мешают в «Очерке» друг другу — слишком уж им тесно. Обилие названий еще понятно для главы о развитии латышской литературы в Советском Союзе (1919—1940), когда основной массив произведений, долгие годы не упоминавшихся, только-только начинает входить в научный обиход и поэтому еще не обобщен, не «переварен». Но вряд ли можно оправдать перечислительность в главе о литературе послевоенного периода: за последние годы в латышской периодике было опубликовано столько статей, обзорных и монографических, что здесь читатель вправе ожидать известной глубины литературоведческого анализа.

Тяготением к перечислительности отмечена и сама композиция книги. Семь глав из пятнадцати — обзорные. Причем в каждой из них после общей характеристики литературы данного периода дается обзор по основным родам литературы — проза, поэзия, драматургия, критика, — а в конце этих разделчиков идут совсем краткие «медальоны» (на 1—3 страницы) тех писателей, чье творчество не вынесено в монографические главы. Таким образом, создается тройное «сито» — общее, жанровое, монографическое, — где уж ни одно произведение «не проскочит».

Но зато это приводит в ряде случаев к ненужным повторениям. Один из примеров тому — роман В. Берце «Будущее начинается сегодня». Первый раз он упоминается в ряду произведений послевоенного периода, в которых «вместо изображения труда, мыслей и чувств людей решались различные вопросы производственной техники» (стр. 206). Второй — в разделе о прозе послевоенного времени рядом с другим романом В. Берце «Вышли мы все из народа». Вслед за кратким изложением темы обоих романов идет общий вывод: «К сожалению, положительные замыслы В. Берце не получили полноценного художественного воплощения. Поэтому внимание, которое его романы возбудили своей тематикой, перед лицом все возрастающих требований читателей к художественной литературе, оказалось преходящим» (стр. 222). И, наконец, в третий раз — в «медальоне» В. Берце: «В центре романа «Будущее начинается сегодня» (1951) — борьба рабочих за повышение производительности труда, за внедрение на заводе скоростных методов резания. В романе показана помощь партийной организации инициаторам, дружеская помощь русского народа латышским рабочим в реализации производственного замысла. Показано и вовлечение в работу завода молодых рабочих, и расслоение старой технической интеллигенции. Значение этого идейно ценного романа снижают недостаточно пластично созданные персонажи, которые к тому же показаны только на заводской работе. Невыразительность языка — один из недостатков романа» (стр. 258). Спору нет, читать трижды такой «анализ» скучновато. И скучновато потому, что нигде аннотация романа не «работает» на большую] мысль, на осмысление процесса, а каждый раз существует сама по себе, перечислительно.

Зато в тех главах, где авторы избавляются от описательности, «Очерк» звучит свободнее, глубже. Мы имеем в виду, в частности, раздел «Успехи и трудности послевоенной драматургии», монографические главы о Бирзниеке-Упите, Судрабкальне, Лацисе. Особенно надо отметить главу о Лацисе, которая по сравнению с латышским вариантом основательно переработана. Интересные сопоставления и литературные параллели, которыми оперируют авторы этой главы, помогают более глубокому осмыслению проблем, связанных с творчеством Лациса.

Широким охватом литературных явлений, глубиной и четкостью литературоведческого анализа отличается глава «О художественном наследии латышского народа»,

отсутствовавшая в латышском варианте и обогатившая русское издание «Очерка». Уж казалось бы, здесь легче всего попасть в плен перечислительности! Но несмотря на богатые материалы (многие из которых впервые опубликованы на русском языке), автор сумел выбрать основное, глава получилась собранной, создающей цельное представление об истоках латышской литературы. В противовес буржуазным литературоведам, которые усматривали начало латышской литературы в низкопробных изделиях немецких пасторов и их подражателей, автор упомянутой главы правильно находит эти истоки в фольклоре. Именно устное поэтическое творчество в течение веков было «единственным идейным оружием народа против чужеземных поработителей». С фольклора путь развития латышской литературы ведет к «младолатышам» — демократам-просветителям Ю. Алунану, Кр. Вольдемару, Кр. Барону — и далее к «Новому течению» и революционной литературе. Вот эти-то этапы и тесная связь с русским освободительным движением, о которой автор говорит неоднократно, объясняют, почему уже в первые годы после победы Великого Октября «литература выступает действенной социальной силой и оказывается способной создавать произведения, полные революционного пафоса и высокой идейно-художественной целеустремленности», почему она «после окончательного ниспровержения буржуазного господства в Латвии в поразительно короткий исторический срок достигает всестороннего расцвета и самоутверждается как одна из передовых литератур братских народов СССР» (стр. 80).

О реальных удачах и в то же время незавершенности многих построений свидетельствует и периодизация литературы, утверждаемая в «Очерке».

При одном из обсуждений белорусского «Очерка» встал вопрос о том, что целесообразно оставлять отдельную главу о литературе периода гражданской войны, ибо литература только «становилась» и лучше рассматривать ее вкуче с литературой 20-х годов. Авторы латышского «Очерка» пошли на создание специальной главы — и это правильный, творческий подход: если для Белоруссии период гражданской войны органически переходил в восстановительный период, то для Латвии это была особая эпоха существования советской республики в 1917—1919 годах. Поэтому хотя литература была сравнительно небольшой (ведь и времени на нее было «отпущено» меньше двух лет) и глава получилась более бедной, чем другие, — она нужна, ибо обогащает наши представления, равно как и глава о литературе одного года — 1940. Равного по значению года, быть может, не знала вся история латышской литературы: в стране свершился социальный переворот и произвел переворот в сердцах писателей. И хотя непосредственно к этому году можно отнести немного произведений (в основном поэтических), но в это время происходило размежевание — и консолидация — писательских сил, состоялся первый съезд писателей, шло мощное литературное движение.

Правильно наметив периодизацию, авторы, однако, как и в тематическом обзоре, остановились на полпути, перечислив или пересказав книги и издания, но не раскрыв значения этих периодов в формировании нового качества реализма.

Одной из самых сложных является, без сомнения, глава «Под гнетом буржуазного господства» (о литературе 1920—1940 годов).

Многие острые вопросы периода 20—40-х годов авторы обходят молчанием. Можно понять это стремление найти фарватер литературного течения, не следуя всем его извилинам: иначе, пожалуй, и нельзя в академическом издании, где требуется ясность и лаконизм при максимальной насыщенности материалом... Но уж в таком слу-

чае ориентиры должны быть поставлены очень точно... А что получается, например, в принятом авторами делении передовой литературы на революционную и демократическую?

По сути дела, мы очень мало узнаем о демократической литературе того времени, о творчестве А. Курция, Р. Селиса, А. Фрейната, Я. Гризиня и ряда других писателей, реалистический талант которых был высоко оценен А. Упитом. Нет должной ясности и последовательности даже в оценке наиболее известных литераторов. Так, на стр. 106 к «революционной литературе», представленной Я. Райнисом, А. Упитом и Э. Бирзниеком-Упитом, «присоединились прошедшие горнило Октябрьской революции Л. Паэгле и Л. Лайцен, талантливая плеяда демократических художников слова во главе с Я. Судрабкалном и В. Лацисом». А на 118 стр. Э. Бирзник-Упит, В. Лацис и другие уже только просто «передовые, оппозиционно настроенные к буржуазному строю писатели».

Подобная недоговоренность продолжается и в 5-й главе, где на 169 стр. читаем следующее: «Об идейной боеспособности латышской советской литературы можно судить по тому, что в ее рядах находились крупнейшие революционные и демократические писатели: А. Упит, Э. Бирзник-Упит, Я. Судрабкалн, писатели-коммунисты; В. Лацис, А. Балодис, И. Леманис, Я. Ниедре, а также группа революционно настроенных писателей младшего поколения, выступивших в печати во второй половине 20-х — начале 30-х годов — А. Григулис, В. Лукс, Я. Грант, М. Рудзитис, А. Броделе, А. Чак, Я. Грот, А. Саксе, П. Вилип, Ю. Ванаг, Ф. Рокпелнис, А. Талцис, Я. Плаудис. Хотя последние (?) не были непосредственно связаны с Коммунистической партией, но в их произведениях слышался протест против буржуазного строя. Они ценили поэзию Маяковского, обличение им капитализма, увлекались его новаторством». Итак, все ценили поэзию Маяковского, все им увлекались (даже прозаики) и, больше того, каждый оппозиционно настроенный писатель — уже революционный!

Нечеткость теоретических предпосылок сказалась и в исследовании влияния русской литературы, — влияния, несомненно сказавшегося весьма благотворно на творчестве латышских литераторов. В «Очерке» есть несколько удачных примеров такого освоения опыта русской литературы, как, скажем, установление общих приемов изображения у Р. Блаумана и А. Чехова или упоминание о творческом преломлении опыта Маяковского в поэзии А. Цеплиса. Но в большинстве случаев это выглядит малоудачным, как всякое важное, но не аргументированное утверждение. Что дают, к примеру, такие бездоказательные пассажи: «Влияние великого поэта отразилось не только в поэзии Плаудиса, Григулиса, Лукса, Рудзитиса и других перенявших характерные новаторские особенности стиля Маяковского, но и в творчестве А. Балодиса, Ф. Рокпелниса или Я. Судрабкална, строго придерживающихся классической формы стиха». Ну, хоть бы какой-нибудь намек, штрих, деталь!

Часто речь идет о влиянии сразу нескольких русских прозаиков и поэтов совсем разных по складу своего дарования — и получается: эпопея — значит, обязательно совокупные традиции М. Горького, А. Толстого, М. Шолохова, военная лирика — значит, непременно, А. Сурков и К. Симонов.

И еще одно, о чем, нам кажется, следует сказать. О влиянии русской литературы следует упоминать только там, где оно имело место. Почему А. Упит написал свою историческую тетралогию «На грани веков», «следуя А. Толстому»? Упит достаточно своеобразный и самобытный мастер.

Почему в военные годы «образцами для многих латышских писателей явились произведения русских писателей» — и дальше, как водится, назван длинный список имен? Ведь латышские литераторы *вместе* с русскими делали общую литературу — советскую!

Досадно, что в таком большом труде, подготавливавшемся к печати не один год, не удалось избежать мелких упущений. Здесь и словесная неряшливость, и неточность многих утверждений, вроде: «Крупным произведением прозы как по объему, так и по охвату жизненного материала явилась повесть В. Лациса «Кузнецы будущего». Но ни по объему, ни по значению эта книжечка никак не является *крупным* произведением. На стр. 271 читаем: «После войны жанр баллады не нашел последователей». Однако уже на следующей странице говорится о Я. Меденисе, опубликовавшем несколько баллад, далее — о балладе В. Лукса, затем выясняется, что и М. Кемпе пишет баллады, да и Б. Саулит в том же грешен. Или: «Латышская советская детская литература начала формироваться только после Великой Отечественной войны, но в сравнительно короткий срок обогатилась выдающимися произведениями». А в следующей фразе называются: «Путешествие Вилнита на Восток» А. Упита (1942), «Кузнецы будущего» В. Лациса (1942), «Три сарайчика» А. Саксе (1944).

В книге часто отсутствуют общепринятые или хотя бы единые для «Очерка» названия произведений. Повесть Салениека называется то «Минувшие дни», то «В те давние дни», стихотворный сборник В. Лукса — то «Падал снег», — то «Метет метель», то «Снегопад».

«Взывающие корпуса» Л. Лайцена на 109 стр. ошибочно датированы 1929 годом, а на 425 стр. — правильно — 1927 годом и т. д.

Но при всех этих частных недочетах «Очерк истории латышской советской литературы», несомненно, имеет немалую научную ценность и принесет пользу тем, кто интересуется латышской литературой.

Следует сказать, что тиражи «Очерков» национальных литератур и вообще невелики: украинский и белорусский — 10 000, литовский — 6000. А латышский издан совсем мизерным тиражом — 3000 экз. и, наверно, сразу стал библиографической редкостью. Это ничем не оправдано.

И. СОКОЛОВА, А. БОЧАРОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ*

В 1956 году корреспондент газеты «Нейес Дейчланд» Гейнц Штерн совершил поездку по Казахстану и в цикле очерков познакомил читателей Германской Демократической Республики со своими впечатлениями. Немецкий журналист встречался с Мухтаром Ауэзовым, охарактеризовавшим основные вехи развития казахской литературы от Абая Кунанбаева до С. Муканова, Г. Мусрепова, Г. Мустафина, побывал в гостях у сына Джамбула. Зарубежного гостя приветствовал поэтической импровизацией акын Абдугали Сарыев. Ученик Джамбула и продолжатель его тра-

* Сборник «Слово зарубежных друзей о Советском Казахстане», Казгосиздат, Алма-Ата, 1957, 222 стр.